

Наконец в особняк приехал вернувшийся из Австралии Хасэ.

— Хасэ!

— Инаба, привет!

Сняв шлем, Хасэ всмотрелся в мое лицо и слегка нахмурился.

— Хм? Ты как-то нехило схуднул, смотрю?

— Есть такое. Новые практики дались нелегко. Но уже все в порядке, — честно признался я.

И Хасэ этого оказалось достаточно.

— Ясно. — Он улыбнулся. — А ты все меняешься...

— Ага. Но при этом остаюсь прежним, — с гордостью ответил я.

— Угу, — Хасэ прищурился.

— А ты и сегодня с багажом.

— А то! Держи, кстати. И это, и еще это.

Едва уместив все эти свертки в руках, мы зашли в прихожую, где нас уже поджидали Буся с Белой. При виде Хасэ Буся вытянул к нему ручки в немой просьбе «Обними!» (он обожает Хасэ).

— Буся!!!

Хасэ побросал свертки, подхватил мальчонку и, крепко прижав его к себе, потерся щекой об его щечку.

— Как ты тут без меня, хорошо себя вел? Я тебе кучу подарков привез!

Глядя на него, я вот что подумал. За все время нашей дружбы с Хасэ не припомню, чтобы он когда-нибудь позволял себе подобное. Привычный образ «хладнокровного и жесткого нигилиста» рушился прямо у меня на глазах. Еще неизвестно, кто из нас двоих больше изменился после знакомства с особняком!

— О, а вот и он. Давно не виделись, Хасэ-кун.

— Привет, Хасэ-кун! Добро пожаловать!

— Здравствуйте и вновь извините за вторжение, Иссики-сан, Акинэ-сан!

Хасэ накопил в Австралии гору подарков.

— О! «Реми Мартин»... Да еще ВСОП!

— Ой, сорбет! Какой красивый, зелененький!

Взрослым достался элитный алкоголь, Акинэ-тян — сорбет из киви, плюс опаловые серьги.

— Но... ты уверен?

— Прозвучит несколько странно, но они вовсе не такие уж дорогие, поэтому, пожалуйста, не стесняйся.

— Ух ты, как здорово! Спасибо огромное, Хасэ-кун!

Наверное, нехорошо так говорить, но глядя на искренне радующуюся серьгам Акинэ-тян, я невольно подумал, что «она все-таки девушка».

А Рурико-сан Хасэ подарил опаловое кольцо.

— Разумеется, во время готовки вы будете его снимать, чтобы не мешало, но, надеюсь, вне ее оно будет украшать ваши прекрасные руки.

С этими словами Хасэ надел кольцо на правый безымянный палец Рурико-сан. Даже в отсутствие всего остального тела было очевидно, что она счастлива. Рурико-сан принялась поворачивать так и этак ладонью, любуясь переливами камня на свету. Все-таки она тоже женщина. Черный опал ярко контрастировал с ее белоснежными тонкими пальцами.

— Все продумал! — в который раз уже на моей памяти восхитился Поэт.

— Как ты угадал размер пальца Рурико-сан? — любопытствовал я.

Хасэ удивленно на меня воззрился.

— Что значит «как»? Посмотри на палец и поймешь!

— Не мерь всех людей по себе!

Следом Хасэ занес в гостиную оставшиеся подарки. Крокодиловое и кенгурячье джерки, ледяное вино и по бутылке всех сортов австралийских вин, австралийский шоколад и орехи макадамия, и наконец...

— Буся! Держи игрушку коалы!

Из огромного до невозможности пакета Хасэ стал по очереди вынимать мягкие игрушки самых разных размеров, от совсем маленьких до гигантов, даже больше Буси.

— А это крокодильчик! И кенгуренок! И тюленчик! А это птичка эму, символ Австралии!

Глядя на Хасэ и практически погребенного под горой игрушек Бусю, Акинэ-тян с улыбкой сказала:

— Сразу видно, папа приехал.

Я криво усмехнулся. Как представлю, как Хасэ с сияющими в восторге глазами скупал все эти игрушки... Даже не знаю, улыбаться мне, хохотать до слез или сгорать со стыда за друга.

Бусе, похоже, пришлось особенно по душе плюшевый крокодил, что был больше его самого.

— Хасэ, а где мой подарок?

— А? А-а... На, держи футболку с аборигенским рисунком.

— И это все?

— Ну съешь шоколадку, в конце концов! Австралийский шоколад вкусный.

Я опешил от такой наглости. Помнится, поначалу кто-то жаждал встречи со мной, а теперь я ему уже до лампочки, лишь бы в особняк приехать.

— А-а-ах... — блаженно выдохнул Хасэ, разлегшись на прохладной веранде и вслушиваясь в шорох листьев в саду. Рядом с ним Буся, уписывая за обе щеки шоколад, играл с плюшевыми зверями.

— Что, перетрудился? — хмыкнул я, протягивая ему стакан с кофе со льдом — комплимент от Рурико-сан.

Хасэ с наслаждением осушил его в один присест.

— Я с самой покупки билетов в первый класс крутился, как белка в колесе. Хотим жить в отеле-замке на берегу озера! Ездить только на лимузинах и ни на чем хуже! Только и знай, что поспевай за их капризами. Днем их на лыжи и по магазинам своди, вечером вечеринки и ночные круизы организуй... Монстры просто, а не мать с сестрой.

— Ха-ха-ха!

В Особняке нежити слово «монстры» звучит особенно смешно.

— Но это ведь еще не конец, хоть каникулы, а у тебя, поди, тоже дел невпроворот, — сказал я, но Хасэ решительно помотал головой.

— Лично я собираюсь расслабляться здесь до победного конца! Надо же мне восстановить потраченные силы! Правильно я говорю, Бусь?♪ — и он принялся тискать малыша.

— И надолго ты здесь? Я, вообще-то, почти каждый день работаю.

— Да пожалуйста, работай себе на здоровье. Мы и без тебя отлично справимся, да, Бусь?♪

— Ах ты...

Смотрю, кто-то опять борзееет, Хасэ? Забыл, чье это общежитие? Не мое, правда.

И вообще, что за дела, дрыхнуть на моем футоне дольше меня самого? Не говоря уже о том, что, когда Хасэ здесь, Буся отказывается расставаться с ним даже по ночам, из-за чего моя постель вечно вся в его слюнях и липкая из-за конфет. А кто ее стирает? Я!

(Правда, слюни Буси, так как он привидение, не ощущаются, их только видно, но это уже несущественные детали.)

Вот из-за такого его отношения все в общежитии (особенно Акинэ-тян) над нами подшучивают, «папой» и «мамой» зовут. Беспредел, честное слово!

Тем же вечером. Хасэ в полной мере насладился превкусной традиционной стряпней Рурико-сан, по которой успел немало соскучиться. Взрослые же радовались, что под нее отлично пошли австралийские вина.

— Надо все выпить, пока Фукасэ не вернулся

— Да!

Отменная выпивка под отличную закуску — неудивительно, что взрослые на таком эмоциональном подъеме. Когда перед тобой сплошь одни вкусности: жареные в мисо ребрышки, жареные с японским перцем баклажаны, сбрызнутые соком юдзу жареные во фритюре креветки, салат из ямса по-корейски и, конечно же, свежесваренный рис! Непьющие «дети» для начала умяли огромную тарелку салата с охлажденным вареным щукорылом под соусом с умэбоси — еще одно по-настоящему летнее блюдо.

— Уже под одни эти баклажаны можно осушить целую бутылку! — восхитился Сато-сан.

— А я бы и с целым котелком справилась, — вставила Акинэ-тян.

— Кто бы сомневался!

Все захохотали. Кстати говоря, объем общежитского котла составляет почти три литра.

— Так ведь Рурико-сан готовит все точно специально под рис!

— Потому что самая что ни на есть традиционная домашняя кухня, — согласился Поэт. — Да еще на таком высоком уровне. Все-таки рис — основа рациона любого японца.

Хасэ кивнул.

— Я лишь здесь узнал истинный вкус риса. И, думаю, это все благодаря идеально сочетающимся с ним закускам и добавкам.

Приятно было слышать это от гурмана Хасэ.

Вся эта вкусная еда — воплощение мечты Рурико-сан, которая умерла, прежде чем успела открыть собственный ресторанчик. А наша неустанная похвала только прибавляет ее таланту сияния. На руке Рурико-сан, когда она принесла на стол тарелку со слабо маринованными овощами, сверкал черный опал.

— Летом рис — самое то! Ешьте побольше, и никакая жара вам не будет страшна!

Столовую сотряс взрыв аплодисментов и одобрительных криков.

Совместные приемы пищи за одним столом с соседями по общежитию всегда проходят весело, а сегодня рядом сидит Хасэ, на дворе каникулы, хочешь не хочешь, а настроение взлетит до небес. Подстегиваемый внутренним ликованием, я все ел, и ел, и никак не мог остановиться. Конечно, до Акинэ-тян мне было далеко, но, пожалуй, свой котелок я все-таки умял. Такими темпами потерянные килограммы ко мне быстро вернуться.

— Ох-хо-хо, а здесь и сегодня пиршество в самом разгаре, — открыл дверь столовой Антиквар.

Вот и еще на одного обитателя особняка больше.

— О, Антиквар!

— Сто лет тебя не видели!

— И все знакомые люди, как отрадно, — улыбнулся этот высокий иностранец (национальность неизвестна) в черном пальто, с зачесанными назад черными волосами и единственным правым серым глазом — левый скрыт повязкой. Тоненькие усики и неизменные тонкие сигарки со странным травяным дымом подчеркивают и без того не вызывающий никакого доверия облик продавца предметов старины, путешествующего между измерениями в компании коротышек в надвинутых на глаза плетеных касках. Среди его товаров кроме антиквара часто попадаются и весьма подозрительные штуковины.

Антиквар посмотрел на меня своим удивительным серым глазом и сказал:

— Ты все-таки вернулся, Юси-кун.

— Угу...

Мы с ним крепко пожали друг другу руки, после чего я, набравшись наглости, заявил:

— Но медальон с волосом Рю-сана назад не отдам.

— Ха! — фыркнул Антиквар.

Этот медальон, под хрустальной крышкой которого хранится взятый без спроса волос Рю-сана, Антиквар подарил мне на память, когда я съезжал из особняка. С того самого дня я с ним не расстаюсь.

— О-ля-ля, у нас еще один новенький?

— А, это мой друг. Ему здесь так понравилось, что приходится пинками выгонять.

— Мидзуки Хасэ, приятно познакомиться. Думаю пожить здесь до конца каникул.

Хасэ встал и пожал Антиквару руку.

— Ухум, — глубокомысленно хмыкнул тот, приподняв бровь.

— Присоединяйся, Антиквар. Вина и коньяка еще много

В темноте за окном плавают разноцветные огоньки. Между ними скользят и порхают прозрачные «стрекозы» и «бабочки», будто вылепленные из светло-голубого света. Небо пересекает косяк из переливающихся всеми цветами радуги «медуз».

Из всех уголков сада доносится шорох и шуршание. Время от времени к нему примешиваются бурлящие басовитые голоса.

За столом взрослых бокалы с вином и коньяком медленно пустеют, хотя к ним никто не прикасается, стоящая на нашем бутылочка с соевым соусом медленно крутится вокруг своей оси, висящий на стене календарь шуршит переворачивающимися и сами собой возвращающимися на место листьями. Концентрация потусторонних существ в Особняке нежити летними ночами резко увеличивается.

— Пух, конечно, нашел где устроиться, перед самым туалетом. Не пройти же! -вернувшись в столовую, пожаловалась Акинэ-тян.

— Пух — это кто? — любопытствовал я.

— Ну... такое невидимое большое мягкое облако...

— А-а, так это я на него наткнулся! Его «Пухом» зовут?

— А разве это не дух «нурикабэ»? — вмешался Хасэ. Надо же, он и об этом знает.

— М-м... Скорее его родственник. Говорят, его часто можно встретить в туннелях, но и в здешних коридорах он тоже регулярно появляется.

— Считается, что Пух мешает прокладке туннелей, — уточнил Поэт, большой знаток в такого рода вопросах. Наверное, профессия обязывает.

— Зачем ему это?

— Кто ж его знает... Но говорят, что если в туннеле объявился Пух, следует на время остановить работы, иначе случится несчастье.

— То есть он как бы о нем предупреждает?

— По крайней мере, сами строители в это верят, и это главное, — со значением произнес Поэт.
— Настоящие профессионалы — люди суеверные. Приметы есть у представителей всех профессий, не только у прокладчиков туннелей, но и у тех, кто работает в горах, в море и даже в городах. Истинные мастера своего дела никогда не станут их отрицать... Точнее наоборот, лишь те, кто не отрицает профессиональные приметы, может зваться истинным профессионалом.

Кстати, да, я не раз видел на крышах зданий маленькие храмы. Получается, они что-то вроде сигнала, что их владельцы — люди верующие. Приятно осознавать, что потусторонним созданиям находится место среди честных работяг.

Несмотря на их впечатляющее количество, все бутылки с вином и коньяком в конце концов опустели. Окончание посиделок ознаменовали небольшие площадки с рисом и филе угря, залитые холодным чаем.

— Рис с угрем после вина — это высший пилотаж! — ослепительно улыбнулась Мариико-сан.

Мариико-сан — привидение, отказавшееся отправляться на небеса и сейчас работающее воспитательницей в яслях для нежити.

Накладываю на еще теплый рис с вареным угрем немного подсоленных тонких ломтиков огурцов и заливаю все это холодным гречишным чаем. Мягкое филе точно тает на языке, а свежий огурец аппетитно хрустит, интересное сочетание, и не заметишь, как тарелка уже пуста. А после бурного застолья, наверное, такое легкое блюдо особенно хорошо идет.

— Вы отлично управляетесь с палочками, Антиквар, — заметил Хасэ, и Антиквар, точно в подтверждение его слов, ловко сжал палочками тоненькое колечко огурца.

— Я родился и вырос на Востоке.

Ага, конечно! Еще бы уточнить, что в его понимании «Восток», и о каком измерении идет речь! Ну нет у меня к нему доверия, ни малейшего!

Набив до отвала животы, мы перебрались в гостиную, и увидели там заснувших под горой игрушек Бусю и Белу.

— Ха-ха! Их самих можно за плюшевых зверушек принять.

Оставленные здесь открытые коробки с шоколадом почти все опустели. Потусторонние создания любят сладкое.

— Сорбет из киви очень вкусный, Хасэ-кун!

— Акинэ-сан... Куда в тебя еще этот донбури и сорбет влезает?

— Кстати говоря, Хасэ-кун, я правильно помню? — подошел к Хасэ Антиквар.

— Да?

Антиквар в уже знакомой манере приобнял Хасэ одной рукой за плечи и заговорщически зашептал ему на ухо:

— Не желаешь приобрести рог единорога?

Я едва сдержал смех. Он мне тоже это предлагал в первую же нашу встречу. Ладно медальон с волосом Рю-сана, но кто поверит в рог единорога...

— Почему бы и нет. Сколько? — невозмутимо спросил Хасэ.

— Эй!

Но удивился не только я, Антиквар тоже округлил свой единственный глаз.

— Вот уж не ожидал, что на самом деле согласишься.

Хасэ широко ухмыльнулся. Довольный, что не попался на удочку Антиквара, что сказать, молодец. Вот только и Антиквар оказался не промах.

— За сколько возьмешь? — усмехнулся он.

— Думаю, тысяч тридцать будет достаточно.

— За рог настоящего единорога?! Меньше чем за сто не отдам.

Рог настоящего единорога за сто тысяч? А не слишком дешево? Хотя я понятия не имею о рыночной стоимости рогов единорога.

— А я не верю, что он настоящий. Тридцать две тысячи.

— Не беспокойся, ты можешь мне доверять. Восемьдесят.

— Но мы же только познакомились. Тридцать пять.

— Юси-кун за меня поручится! Семьдесят пять.

— Меня в это не впутывайте.

— Его поручительство гроша ломанного не стоит. Тридцать восемь.

— Эй!

— Ну ладно, я дам тебе еще что-нибудь сверху. Семьдесят.

— Пятьдесят.

— Шестьдесят!

— По рукам!

И они пожали друг другу руки.

— А твой друг не так прост, — посмотрел на меня, хмыкнул Антиквар.

Я понимающе усмехнулся. Да, он такой.

Один из слуг Антиквара принес мешочек из черной кожи.

— О, красиво!

Это был осколок чего-то белоснежно-белого размером с большой палец. Один его конец заканчивался золотым «ушком» с цепочкой. Хасэ, недолго думая, тут же надел его себе на

шею.

— Рог единорога оберегает от всех болезней и отражает проклятья. С ним тебе ничего не страшно.

Антиквар похлопал Хасэ по плечу. Тот коротко хохотнул.

— А что там насчет бонуса?

— Для бонуса это, конечно, слишком щедро, но...

Антиквар с сожалением вздохнул и протянул Хасэ белый конверт.

— Комплект из трех шведских эротических открыток.

Мы с Хасэ так и прыснули.

— Без цензуры, значит!

— Сомнительный, однако, бонус!

И как после такого верить в «настоящий рог единорога»?

— А-ха-ха-ха-ха! — Поэт и Марико-сан присоединились к нашему веселью.

Акинэ-тян лишь молча покачала головой.

Гостиную Особняка нежити заполнил смех и аромат кофе.

Когда мы пошли в мою комнату, Буся, как и ожидалось, последовал за Хасэ. Таща за собой огромного плюшевого крокодила.

— Что, Бусь, понравился тебе крокодильчик? Такой мягкий, самое то, чтобы тискать, — счастливо замурлыкал Хасэ, сам тиская Бусю с крокодилом.

Мой бедный одноместный футон едва уместил на себе двух взрослых парней, одного ребенка и собаку (плюс крокодил). Не нравится мне эта тенденция.

— Приветствую, Хасэ-сама, надеюсь, вы в добром здравии! — поздоровался появившийся на «Пти» Фул.

— Привет, Фул! Ты тоже все такой же, что не может не радовать. Я тут до конца каникул, так что придется вас потеснить.

— Что вы, что вы! Доверяем нашего господина в ваши надежные руки!

— Эй, Хасэ, ты правда до сентября тут жить собираешься?

— А что, ты против?

Вот только не надо из меня злодея делать!

— Да нет... не то чтобы против... Просто подумал, у тебя же должны быть какие-то дела...

— Если куда надо будет, сгоняю отсюда на мотоцикле, и вся проблема, — невозмутимо ответил Хасэ.

Ну не знаю...

— Не волнуйся, Инаба, нахлебником быть не собираюсь, — похлопал он меня по плечу, и в следующий миг перед моими глазами закачались несколько банкнот в десять тысяч иен.

— Это моя доля за еду. Отдашь Домовладельцу за меня?

Я вытаращил глаза от такой суммы.

— Целых пятьдесят тысяч?!

— За превкусную стряпню Рурико-сан никаких денег не жалко.

Я чуть ему в ноги не бросился.

— Живите, сколько пожелаете, Хасэ-сама!

— Угу.

Хоть он и говорит, что платит за себя, но на самом деле избавил меня от расходов на аренду за

весь август. За такое можно и потерпеть тесноту.

Но интересно, сколько же у него обычно при себе наличности?!

Погасла лампа, и из окна полил рассеянный свет. Несмотря на заполняющую особняк летними ночами нежить, здесь их нет, и воцарившийся в комнате сумрак, подсвеченный разноцветными огоньками снаружи, наполняется спокойствием и тишиной.

У меня нет кондиционера или вентилятора, поэтому окно осталось нараспашку, но никто не пытается зайти через него внутрь. Лишь размытые из-за штор пятна света, точно хлопья снега или опавшие лепестки, кружат в медленном танце.

Уложив Бусю спать, я рассказал Хасэ о новых практиках и пережитом мной Откровении.

— Ничего себе, считай, за раз потерять десять кило. Тяжело, по ходу, тебе пришлось.

Непривычно мягкий тон Хасэ был преисполнен сочувствия, и я, вспомнив не покидавшую меня в те дни тоску, не нашел в себе силы притворяться.

— Угу... — сознался я.

Даже веря, что все будет в порядке, я не мог побороть страхи и сомнения, но и бросить все тоже не мог, и мне ничего не оставалось, кроме как терпеть бесконечные часы физического и морального изнеможения. И как-то справляться со все нарастающими и прибавляющимися страхами и сомнениями.

— Но не будь их, ты бы не увидел того невероятного пейзажа, — выслушав меня, напомнил Хасэ.

Я промолчал.

— Бесконечное радужное небо и золотой дождь... Я б тоже не отказался такое увидеть.

Хасэ всегда понимает меня даже лучше меня самого. Он постоянно с жадностью впитывает новые знания, анализирует, строит предположения, отбрасывает поверхностное и лживое, смотрит в самый корень. Я не устаю восхищаться твоей проницательностью и наблюдательностью, Хасэ. Прямо как Холмс и Ватсон в одном флаконе.

Хорошо, когда рядом есть кто-то, кто смотрит на тебя со стороны.

Говорят, никто не знает человека лучше него самого... Но так ли это на самом деле? Конечно, многое остается скрыто от глаз окружающих, но немало и такого, что можно увидеть лишь со стороны. И это настоящее везение, если у тебя есть человек, способный и готовый оценивать тебя всесторонне и непредвзято.

Внутри Хасэ есть множество «моих» дверей, и среди них есть одна, о которой даже я не подозреваю. Иногда из нее может выйти нечто такое, что я бы предпочел не знать и не замечать (а Хасэ тот еще язва, и деликатностью и долготерпением он не отличается, впрочем, как и я). Но потому что это Хасэ, я всегда готов к нему прислушаться. Поэтому я так ценю нашу дружбу.

Переехав в Особняк нежити, я с еще большей ясностью это осознал. И... стал еще сильнее ему за это благодарен.

Когда речь зашла о «третьем глазе» Рю-сана, я совсем не удивился, увидев, как Хасэ понимающе кивает.

— Это же, считай, символ сверхъестественных способностей. В фэнтези-историях он постоянно встречается.

— Ну вот, а я как раз фэнтези почти и не читал, — вздохнул я.

В чтении я обычно отдаю предпочтение историческим романам, детективам или мемуарам.

— Ха-ха! Но скажи же, странная идея, передать «третий глаз» через стук лбами. Особенно в исполнении могущественного экстрасенса, прямо на смех пробивает, — засмеялся я, но Хасэ меня не поддержал.

Он с серьезным видом уставился на меня. И заявил:

— Мне тоже передай.

— Чего?

— Третий глаз Рю-сана! Передай мне его!

— Ты что несешь? Эй!..

Хасэ вдруг схватил меня обеими руками за голову и дернул к себе.

Бам! — в ночной темноте посыпались звезды.

— Больно же!!! — схватился я за лоб.

А Хасэ встал в довольную позу.

— Ну вот. Теперь он у меня тоже есть!

— Ах ты... Каменная твоя башка!..

Задремавший было Буся проснулся и заплакал.

— Ой, прости, дорогой! Что, разбудили тебя, да? Это все мама, закатила скандал посреди ночи!

— Ты кого «мамой» назвал!..

Это мне рыдать хочется! Из чего у него череп сделан, из чугуна?!

Бела встала на лапы и, не мигая, уставилась на меня.

— Не смотри так осуждающе, Бела. Это все папа виноват. В смысле, какой папа, что я несу!..

Кое-как успокоив с помощью плюшевого крокодила Бусю, мы наконец все улеглись, но я из-за разыгравшейся головной боли еще долго не мог заснуть. Эх, здравствуй хронический недосып, давно не виделась...

Следующее утро. Покосившись на сладко дрыхнувших Хасэ и Бусю, я, едва переставляя ноги, поплелся на утреннюю практику.

Где справедливость?!

<http://tl.rulate.ru/book/98654/3346030>